

«Осененные свыше»

Основная идея романа «Бесы», как это часто бывает у Достоевского, вложена в уста отнюдь не положительного героя. Вернее – по законам почвеннического всеединства (с его пресловутой «полифонией»), или согласно принципу «всечеловеческого» развития (шеллингианской теогонии), каждый «догмат» почвенничества раскрывается всеми действующими лицами произведения, каждый из которых вносит в это «общее дело» (гностическую «литургию») свой вклад, освещая тот или иной аспект этой теургии. И поэтому, в свой черед, Верховенский-старший, будучи представителем либерального лагеря, в конце романа, находясь в болезненном состоянии, в горячечном полубреду, как вещий сомнамбула (гностический «пророк»), изрекает одну из сокровенных «истин» почвенничества, внося свой отнюдь не лишний голос во «всечеловеческий» хор.

«Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней [Лк 8:26-39], — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! <...> Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности...» (Достоевский Ф. Бесы. Ч.3, гл.7, II / Д., X, 499).

В этом патетическом пассаже (выступающем в качестве авторской экзегезы евангельского фрагмента, чем Достоевский всю жизнь занимался, чувствуя в этом свое особое признание как писателя) особого внимания заслуживает выражение *«великая мысль и великая воля осенят ее свыше»*, в котором речь идет о способе «исцеления бесноватого», превращения его в «богоносного».

«Богоносный народ — один только русский» (Достоевский Ф. Бесы. Подготовительные материалы / Д., XI, 152).

Как мы уже отмечали, особенностью толкований Достоевским Священного Писания является их полный отрыв от Священного Предания, о самом существовании которого литератор узнал на «поздних сроках беременности» идеологией почвенничества, то есть, когда собственная «концепция христианства» давно сложилась и уже поздно было что-то в ней принципиально менять (не выбрасывать же в мусорное ведро целое собрание сочинений). В сложившейся многолетней практике этого чисто «авторского» толкования Евангелия на свет и родилась такая очередная формула почвеннической «веры», как *«великая мысль и великая воля осенят ее [Россию] свыше»*. Ключом к ее пониманию является находящееся в этом же контексте толкование «бесов». Как почвеннические «бесы» это не более чем метафоры нравственных пороков (*«все язвы, все миазмы, вся нечистота»*), а не реальные духовные существа («духи злобы поднебесной» (Еф 6:12)), способные не только искушать человека извне, но даже вселяться в него (один из описанных в Евангелии случаев этого явления и подвергается толкованию Достоевского); так и «осенение свыше» для нашего экзегета это лишь образное выражение, отнюдь не означающее реального сверхъестественного вмешательства в человеческую жизнь.

Церковно-славянский глагол «осенять» обозначает трансцендентное действие Бога в отношении разумного творения.

«Сила Вышняго Тя, Дево, осени наитием Божественнаго Духа: и тогда паче естества всяческих Господь, плоть и душу оживотворив, приедини Себе, пребыв в томжде естестве» (Октоих. Глас 1. Суббота. Повечерие. Песнь 4. Цит. по изд.: Октоих. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Издательский отдел Московского Патриархата, без г/изд.).

«– Что означает фраза: “Светоносная Сене небесная, духовную благодать во мне направи”? [Православный молитвослов. Молитвы утренние. Молитва 7-я]. – “Сене” – звательный падеж слова Сень. Поскольку Матерь Божия послужила таинству Боговоплощения и носила в Себе Бога, то в молитве Она сравнивается со Скинией (греч. скенэ – обитель; церковно-славян. “сень” – шатер, навес), которая, согласно Писанию, была жилищем Господа: “И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их” (Исх. 25:8). Поэтому мы молим Пресвятую Богородицу: “Светоносная Скиния небесная, духовную благодать в меня направи” (по-русски)» (иеромонах Иов (Гумеров). Православие.ру).

Тогда как характерными почвенническими идиомами «великой мысли» и «великой воли» у Достоевского, напротив, всегда описываются имманентные процессы духовно-нравственного саморазвития человечества.

«...пройдет это жалкое, уродливое, недоношенное племя, племя корчащихся под свалившимися на них камнями, засветит как солнце новая великая мысль, и укрепится шатающийся ум, и скажут все: “Жизнь хороша, а мы были гадки”» (Достоевский Ф. Дневник писателя. 1976, май. Гл. 2, II / Д., XXIII, 25).

Можно было бы подумать, что «свыше» на человека сходят, «как солнце», только «хорошие», жизнеутверждающие идеи. Однако здесь же в образе «сваливавшихся камней» изображаются идеи, противоположные по содержанию и последствиям их воплощения в жизнь:

«Идея вдруг падает у нас на человека, как огромный камень, и придавливает его наполовину, — и вот он под ним корчится, а освободиться не умеет. Иной соглашается жить и придавленный, а другой не согласен и убивает себя» (там же; с.24).

Это и говорит о том, что источник тех и других идей один и тот же. В тех же «Бесах» Тихона (гностического «святителя») в Ставрогине

«ужаснула великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость» (Достоевский Ф. Бесы. Гл. «У Тихона» / Д., XI, 25).

Потому что, будучи направленной в правильном направлении, эта самая «великая сила» и должна произвести евангельские чудеса «спасения погибшего».

Соединение двух этих противоположных по смыслу концепций «осенения» (церковного и почвеннического) в одном выражении отражает типичное для эпохи романтизма переживание внутреннего как внешнего, имманентного как

трансцендентного, условного как безусловного, относительного как абсолютного, человеческого как божественного. Отсюда теургическая коннотация этого гностического «осенения свыше». Если в Христианстве грешник молит Бога об этом как о великой милости, призывает совершить такое чудо, которого он недостоин по своей греховной скверне:

«прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякие скверны» (Православный молитвослов. Молитва ко Святому Духу);

«болящаго исцели душею и телом, Дево, раба Твоего осенением Твоим: Тя бо Предстательницу всем сущым в печали познах, яко рождшую Спасение наше» (Октоих. Глас 4. Вторник. Повечерие. Канон Пресвятой Богородице. Песнь 1);

то в романтическом словоупотреблении почвеннический вещун словно бы повелевает кому-то «свыше» произвести это «осенение», провозглашая его неизбежность (после своего магического призыва) как какого-то природного явления вроде завтрашнего восхода солнца.

Схожий пример употребления другого сакрального выражения встречается в «Преступлении и наказании»:

«Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!" Тогда бог опять тебе жизни пошлет» (Достоевский Ф. Преступление и наказание. Ч.5, гл. IV / Д., VI, 322), –

наставляет Мармеладова Раскольников на путь истинный, словно она сама распоряжается этими жизненными дарами. Интонация повелительных наклонов, обращенных к Раскольникову, по инерции распространяется и на последующее упоминание Бога и Его действие. И объясняется такая заносчивость в отношении Жизни Подателя как раз тем, что речь идет, на самом деле, о сугубо имманентных процессах, к которым чисто механически прилагаются ортодоксальные термины. Поэтому их значение (в результате такого «неопатристического синтеза») оказывается противоположным церковно-догматическому, и слово «бог» здесь пишется с маленькой буквы.

Не христианского Бога прогневал Раскольников своим преступлением, но «осквернил землю» и «весь свет» как «бога» почвенничества. Им же поэтому и поклоны класть нужно и все остальное, что подобает совершать кающемуся грешнику в Христианстве. То же самое с «осенением свыше». Логически это тавтология: ниоткуда больше, кроме как сверху («свыше»), человека нельзя «осенить» (покрыть сенью). И объясняется это лишнее слово (которого нет в ортодоксальном использовании термина) именно тем, что оно лишено собственного значения (то есть, значения чего-то божественного, небесного, превышающего природу человека). Гностическая харизматология предполагает обретение «великой» силы (силы «мысли» и силы «воли») в самом человеке как раскрытие его природных «потенций». Это самая суть романтической идеологии Достоевского как шеллингианства на русской почве. Как почвенническая коннотация слова «великая» в выражении «я великая, великая грешница» (Преступление и наказание. Ч.4, гл. IV / Д., VI, 226) означает

не «достойная осуждения» (ортодоксальное значение), но буквально «выдающаяся» («значительная», дважды «великая», как бывают «дважды героями»), то есть, имеет значение не раскаяния, но, напротив, нарциссизма; то же самое касается и «осенения свыше» в устах деиста Степана Верховенского. Потому что в мировоззрении говорящего просто нет такого Существа, а именно, Бога Живаго, Который бы совершил данное «осенение» в христианском смысле.

«Не понимаю, почему меня все здесь выставляют безбожником? — говаривал он иногда, — я в бога верую, mais distinguons [фр.: но надо различать] я верую, как в существо, себя лишь во мне сознающее» (Достоевский Ф. Бесы. Ч.1, гл.1,IX / Д.,X,33).

Вопреки расхожему мнению и вопреки самосознанию Достоевского, сам он точно так же «веровал» в Христа, то есть, в духе «немецкой классической» теогонии:

«Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в я Христа как в свой идеал. Достигнув этого, он ясно увидит, что и все, достигавшие на земле этой же цели, вошли в состав его окончательной натуры, то есть в Христа. Синтетическая натура Христа изумительна. Ведь это натура бога, значит, Христос есть отражение бога на земле» (Достоевский Ф. Записная тетрадь 1863-1864 гг. / Д., XX,174).

Поэтому почвенник в своем «богословском» суесловии и применяет все эти церковные выражения в отношении этнических феноменов (а значит, и в отношении самого себя как, несомненно, одного из «лучших сынов» «высшего племени»), перенося таким образом на них сакральное значение этих выражений. То же самое, например, сейчас делает другой почвенник Александр Проханов, доведший этот лингвистический прием Достоевского до крайней степени изуверства:

«Россия венценосная и бессмертная берет на себя грех мира – происходит великое русское омовение» (Проханов А. [Проект «Русофобия»](#)).

Точно таким же образом у Достоевского собственное «осенение свыше» Русский Народ «берет на себя», как и следующий из этого «осенения» («омовения») экзорцизм (изгнание бесов). Эта «великая мысль» и «великая воля» должны быть произведены самой Россией, как и «великий грех» Мармеладовой в качестве почвеннической «Магдалины», в которой тоже было «семь бесов» (Лк 8:2).

Таким образом, словосочетание «осенение свыше» в лексиконе Достоевского есть не что иное, как поэтическое выражение величия этого религиозного действия воли (как «практического разума» трансцендентализма), которое Русский Человек произведет над собой, как барон Мюнхгаузен, собственноручно вытянув себя из болота греха, чтобы затем проделать то же самое со всем миром.

«Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием, Вы правы) и это совершится

в какое-нибудь столетие — вот моя страстная вера» (Достоевский Ф.М. — Майкову А. Н. 18 (01). 02 (03). 1868 / Д., XXVIII (2), 260).

«Осенение свыше» как воздействие на самого себя «великой мыслью и великой волей» есть выражение гностического неверия почвенника (отечественного шеллингианца) в божественную благодать, что, как водится, «компенсируется» гуманистической «верой» в человеческое естество (в частности, в «народ», что означает природу человека как такового).

«Если православие — всё [разрешение всех вопросов, нравственных и социальных], то и Россия — всё» (Достоевский Ф. Бесы. Подготовительные материалы / Д., XI, 180).

«В народе спасение» (Достоевский Ф. Братья Карамазовы. Рукописные редакции / Д., XV, 250).

В этом перенесении на массового человека божественных функций (спасения – в первую очередь) и заключается суть «страстной веры» Достоевского как типичной для того времени духовной болезни, симптомами которой выступают патологические выражения вроде «(бесноватый) осенит (себя) свыше».

«"Аще царство на ся разделится, не может стати царство то [Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то]" (Мк. III, 24). Пока внутри качественно единомыслие лукавства греховного, крепко бывает в нас царство тьмы и греха; но когда благодать Божия плененную грехом часть духа привлечет к себе, освободив ее из плена, тогда происходит внутри разделение: грех на одной стороне, добро на другой. Коль скоро, вследствие этого возбуждения, сознанием и свободой человек сочетается с добром, грех теряет всякую опору и идет к разложению. Постоянство в принятом добром намерении и терпение в трудах по нему, совсем расстраивают грех и истребляют. Тогда начинается царство добра внутри, и стоит, пока не вкрадется какое-либо злое помышление и, привлекая к себе произволение, не произведет снова разделения» (свт. Феофан Затворник. Мысли на каждый день года. М., «Правило веры», 2009. С.232). Что означает, что и доброе намерение «производится» благодатью, «привлекающей к себе произволение», а не произволением самого «плененного грехом духа», «привлекающего к себе» благодать.

И случай почвенничества – это, конечно, случай «крепкого в нас царство тьмы и греха». Здесь не положено даже начало того спасительного «разделения царства» (в результате действия благодати на грешника), о котором говорит толкование свт. Феофана. Потому что спасительную функцию благодати, как мы могли убедиться, грешник в почвеннической религии мнит обрести собственными силами, найдя для этого какой-то внутренний резерв. Однако такая безумная самонадеянность и свидетельствует о том, что в данном случае «внутри качественно единомыслие лукавства греховного», производящее в том числе и эту «бесовскую прелесть», а именно, мнение о том, что грешник в своем «великом» будущем сможет сам изменить качество своей духовной жизни. Поэтому «осенение свыше» здесь (в новом гностицизме вообще), в конечном счете, означает «осенение» этой «темной энергией» демонического прельщения, бесовской «мыслью и волей», «привлекающей к себе» ум и произволение грешника ради его дальнейшего

(еще более «крепкого») порабощения. Поэтому «страстное» пророчество Достоевского и сбылось с такой точностью: «обновление в ближайшее столетие», которое уготовала себе мессианствующая Россия эпохи романтизма, стало ее духовным суицидом в революционные годы.

Александр Буздалов